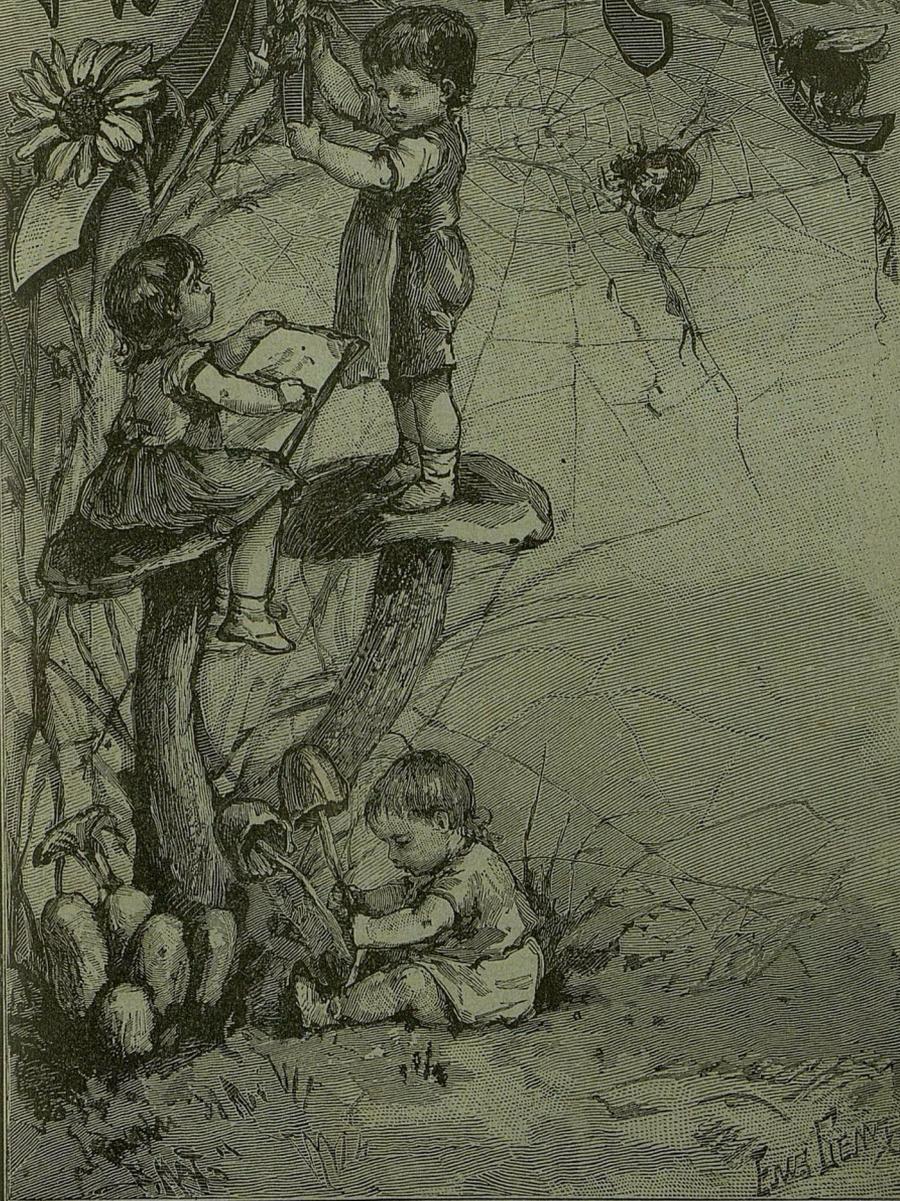

ДЛЯ МАЛЮТКОКЪ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“
ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ
журнала «ИГРУШЕЧКА».

1891
М А Й № 5.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТР.
I. На дачѣ. <i>Бумъ-бумъ</i> . Съ рисункомъ.	65
II. Онъ не могъ безъ нея жить. <i>А. Благовъщен- ской</i>	70
III. Какъ завелись канарейки на Святой Руси. <i>М. Васильева</i>	75
IV. Канарейки. Картинка.	77
V. Моя кукла (изъ воспоминаній дѣтства). <i>Муму</i>	78

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, д. № 26.

НА ДАЧѢ.

ама, какъ здѣсь хорошо! Какъ весело чирикаютъ птички! А какой запахъ! Чѣмъ это такъ хорошо пахнетъ, мама? Цвѣтовъ нѣтъ, только вотъ эти бѣленькіе и лиловенькіе, но ихъ такъ мало и они ничѣмъ не пахнутъ, почки на деревьяхъ и то не на всѣхъ, едва распустились, а въ воздухѣ чѣмъ-то пріятно пахнетъ,—говорила Вѣра, обращаясь къ мамѣ.

Онѣ только-что переѣхали на дачу и въ первый разъ пошли пройтись по парку. Чудная, ароматная весна на каждомъ шагу напоминала имъ о себѣ. Всюду, куда только проникалъ ихъ глазъ, онѣ чувствовали ея присутствіе.

— Надо идти осторожно, Вѣра,—говорила мама, указывая на ручейки, которые лентой извивались у ихъ ногъ.

— Посмотри, посмотри,—радостно кри-

чала Вѣра, — сколько появилось маленькихъ мушекъ и камариковъ.

Вѣра съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣла вверхъ и снова закричала:

— А это что за птицы летятъ, мамочка, и какъ ихъ много?

— Это гуси, милая.

— А эти черныя птицы, что ходятъ по пашнѣ, съ блестящими перьями... какъ ихъ называютъ?

— Это грачи.

— Какъ ихъ много. Посмотри, вонъ еще разныя птички, мама.

— Да, теперь много птицъ: жаворонки, дрозды, синички давно прилетѣли. Посмотри, Вѣруша, на этомъ деревѣ уже лопнули почки и виднѣются крошечные листочки. Это бузина. Вонъ тамъ цвѣтетъ лѣсной орѣшникъ. У черемухи также готовы почки.

— Ахъ, мама, милая, какъ хорошо! Скорѣй бы только растаялъ весь снѣгъ.

— Онъ скоро растаетъ, голубка. Посмотри, какой онъ сталъ черный, рыхлый на озерѣ. Еще денекъ, другой — и его не будетъ. Еще вчера эта гора была покрыта снѣгомъ, а сегодня отъ дыханія весны его осталось немного. Онъ пока держится по бо-

камъ горы, въ расщелинахъ, а верхушка ея уже зазеленѣла. Съ этой горы текутъ тѣ ручейки, которые мѣшаютъ намъ ходить...

Надъ пашней, покрытой кочками, между которыми еще лежалъ снѣгъ, вились жаворонки и пѣли свои пѣсни...

Вѣра была въ какомъ-то упоеніи... Ее все восхищало: пѣніе птицъ, жужжаніе мушекъ и комаровъ, пригрѣтая солнцемъ зеленѣющая травка, почки на деревьяхъ и пѣсни работавшихъ въ паркѣ мужиковъ...

— Мама, — говорила она съ восторгомъ, — какъ хорошо весной!..

— Подожди еще немножко, моя малютка, деревья покроются листьями, разцвѣтутъ цвѣты, запоютъ соловьи... Ты знаешь, сегодня, когда ты спала, въ нашу скворешню прилетѣли скворушки.

— Неужели прилетѣли, мама? Почему ты меня не разбудила?!

— Ты вчера много бѣгала, я не хотѣла тебя тревожить... Думала, пускай отдохнетъ моя дѣвочка.

— Погоди говорить, мама... Слышишь, какъ будто играетъ музыка...

— Да, какъ будто...

— Это итальянецъ съ шарманкой. Ма-

ма, сядемъ здѣсь на скамеечкѣ, онъ поиграетъ...

— Сядемъ, родная.

Итальянецъ, остановился, укрѣпилъ на палкѣ свою шарманку и заигралъ.

Звуки его шарманки, пѣніе птицъ, журчаніе ручейковъ и теплое весеннее солнце такъ сильно подѣйствовали на Вѣру, что она заплакала.

— Что съ тобой, моя дорогая?—сказала мама, припавъ щекой къ щекѣ Вѣры.

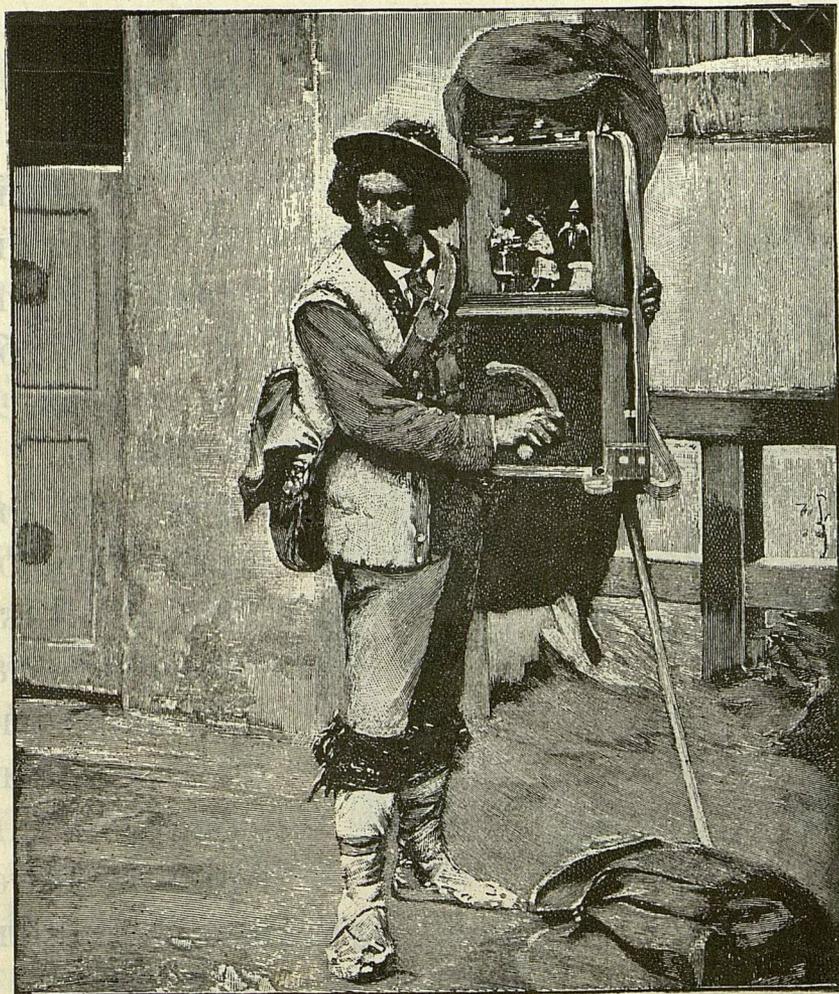
Слезы дѣвочки крупными каплями падали на руки и на платье мамы.

— Ничего, мамочка... я не знаю почему, мнѣ такъ хочется плакать. Мнѣ весело слушать птичекъ, я рада цвѣточкамъ, зелени, но мнѣ жаль этого итальянца. Посмотри, какой онъ худой, усталый. У него мокрыя ноги. Онъ такой жалкій, мама. Его надо позвать къ намъ. Пускай онъ съ нами пообѣдаетъ.

— У васъ есть дѣтки?—вдругъ спросила у него Вѣра.

Итальянецъ молчалъ. Онъ видимо не понималъ, что сказала ему дѣвочка. Въ ея голосѣ дрожали слезы. Тогда она подошла къ нему поближе. Наверху его шарманки танцовали куклы.

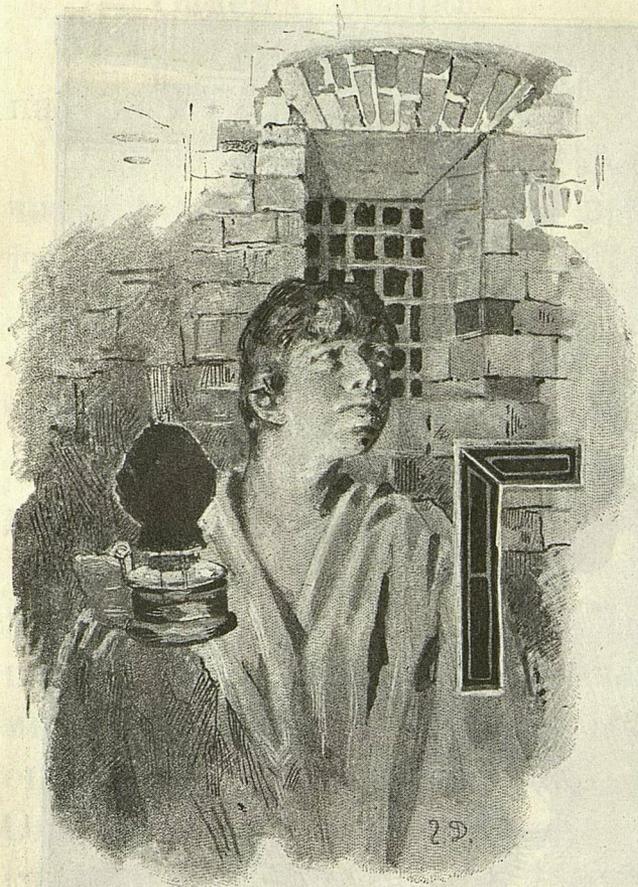
— Вѣрно у него есть дѣти, мама!.. — Онъ должно быть для своихъ дѣтокъ купилъ

куколь. Ну, идемъ домой, мама, пойдете и вы съ нами, — сказала Вѣра итальянцу.

Бумъ-бумъ.

ОНЪ НЕ МОГЪ БЕЗЪ НЕЯ ЖИТЬ.

оворятъ тебѣ,
не трогай и
не трогай!
Посмотри,
какъ они дѣ-
лаютъ себѣ
постельку. А
сколько у
нихъ напря-
тано всякой
ѣды. — Такъ
говорилъ ма-
ленькій Ми-
тя своему
брату Анд-
рюшѣ, кото-

рый, стоя у желѣзной клѣтки, гдѣ сидѣли
бѣлыя мышки, дергалъ ихъ за хвосты.

— Всѣмъ хороши эти бѣленькія мыш-
ки,—говорилъ Андрюша—и мордочки у нихъ
прелесть какія хорошенькія, красненькія,
глазки блестятъ точно камешки, и розовыя,
прозрачныя ушки, и сами онѣ такія бѣ-

ленькія, точно изъ пуха, но хвосты... хвосты одинъ ужасъ!..

— Какія онѣ проворныя и хитрыя. Посмотри, Андрюша, что дѣлаетъ маленькая. Ну, смотри же. Вотъ я положу кусочекъ пряничка... она далеко, на другой корзинкѣ... Смотри, смотри, она уже увидѣла его, те... подходитъ. Видишь, схватила—и маршъ въ свою клѣтку. Гляди, какъ она мордочкой подняла сѣно и спрятала его... Какая проворная!

— Дай, Митя, я положу большой кусокъ хлѣба,—сказалъ Андрюша,—и посмотримъ, что она съ нимъ сдѣлаетъ...

Андрюша принесъ ломоть чернаго хлѣба. Мышка сейчасъ его замѣтила, подбѣжала, схватила и понесла въ клѣтку. У нихъ, въ клѣткѣ, подъ сѣномъ, точно складъ съѣстныхъ припасовъ. Но вотъ онѣ, набѣгавшись, утомились. Дѣти напоили ихъ молокомъ. Напившись, мышки начали чистить лапками мордочки, брюшко, бока, спинки и затѣмъ легли рядкомъ, свернувшись въ комочки. Ихъ ушки скоро сдѣлались красными-красными.

Долго у Мити и Андрюши жили эти бѣлыя мышки. Были у нихъ дѣтки, хорошенькія,

бѣленькія мышатки. Они всюду бѣгали за своей матерью и были очень веселы. Но такъ какъ ихъ развелось очень много, то Митя съ Андрюшей начали уже тяготиться ими. Они всегда сами чистили ихъ клѣтку. Хлопотъ съ ними было не мало, особенно когда являлись мышата. Наконецъ держать ихъ въ одной клѣткѣ стало невозможно. Дѣти подѣлили ихъ между собой. У Мити осталась мышка-мать съ маленькими мышатами, у Андрюши отецъ съ болѣе взрослыми. Каждое утро и каждый вечеръ, когда дѣти перемѣняли въ клѣткахъ сѣно, мышки въ это время бѣгали у нихъ по плечамъ, взбирались на головы, спускались на руки.

Но вотъ что случилось съ мышками два года спустя.

Когда мышей развелось очень много, дѣти роздали ихъ знакомымъ и оставили у себя однихъ стариковъ. Каждая мышка сидѣла въ своей клѣткѣ. Клѣтки стояли на гардеробѣ. Шкафъ этотъ былъ очень высокій. Каждый разъ за вечернимъ чаемъ Митя и Андрюша любовались, — съ какой ловкостью мышки бѣгали по желѣзнымъ прутикамъ вверхъ и внизъ.

— Подождите, голубушки, — говорилъ мышкамъ не разъ Митя. — Не волнуйтесь, сейчасъ мы напьемся чаю, угостимъ и васъ чѣмъ-нибудь вкуснымъ.

— Митя, а Митя, — спросилъ въ одинъ вечеръ Андрюша, — что это сегодня твоя мышка не лазить.

— Вѣрно спить.

— Посмотри на мою, она какъ-то сегодня особенно бросается по клѣткѣ.

— Онъ вѣрно хочетъ ее разбудить, — отвѣтилъ Митя.

— Сейчасъ допьемъ чай, няня уберетъ съ стола, и тогда мы ихъ снимемъ, откроемъ клѣтки, и пусть себѣ бѣгаютъ по столу.

Няня стала убирать съ стола, Митя сходилъ въ кухню за табуреткой, принесъ ее и поставилъ къ шкафу. Андрюша стоялъ и ждалъ, когда Митя передастъ ему клѣтку. А Митя вдругъ вскрикнулъ:

— Андрюша, скорѣй придвигай обѣденный столъ... скорѣй, скорѣй! — Папа, папа, скорѣй, скорѣй иди сюда! Папочка, влѣзь на столъ. Посмотри, что это съ моей мышкой, она мнѣ кажется мертвая... Папочка, мнѣ жаль, я любилъ ее, какая она была хорошенькая!..

Пока они говорили, самецъ бросался по клѣткѣ и постоянно высовывалъ мордочку между прутьевъ. Митя держалъ мертвую мышку въ рукѣ и горько плакалъ.

— Папа, папа, какъ мнѣ ее жаль. Что сдѣлать, чтобы она ожила. Бѣдная мышка. Я не виноватъ, что она умерла... Право не виноватъ. Кормилъ, чистилъ клѣтку, бралъ ее всегда осторожно. Посмотри, папа, она еще тепленькая. И хвостикъ у нея виситъ, какъ шнурочекъ, бока какъ ввалились! Что же теперь съ ней дѣлать, папа?

— Надо ее, положить въ коробку, отнести въ садъ и тамъ зарыть.

— Положи ее, Митя, пока въ клѣтку,— сказалъ Андрюша.— Я выпущу своего «старика»,— такъ звалъ онъ свою мышку.

Отворили клѣтку; самецъ выскочилъ, какъ бѣшеный, подбѣжалъ къ мертвой мышкѣ и началъ ворочать ее мордочкой во всѣ стороны; затѣмъ прыгнулъ къ самому краю шкафа, сложилъ лапки и бросился внизъ. Когда Митя и Андрюша соскочили съ стола, онъ былъ уже мертвый.

А. Благовѣщенская.

КАКЪ ЗАВЕЛИСЬ КАНАРЕЙКИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

то не знаетъ маленькую, желтенькую птичку — канарейку?.. Ея родина Канарскіе острова, гдѣ она и живетъ на волю... Тамъ тепло и привольно ей, а у насъ холодно, почему мы и держимъ канареекъ въ комна-

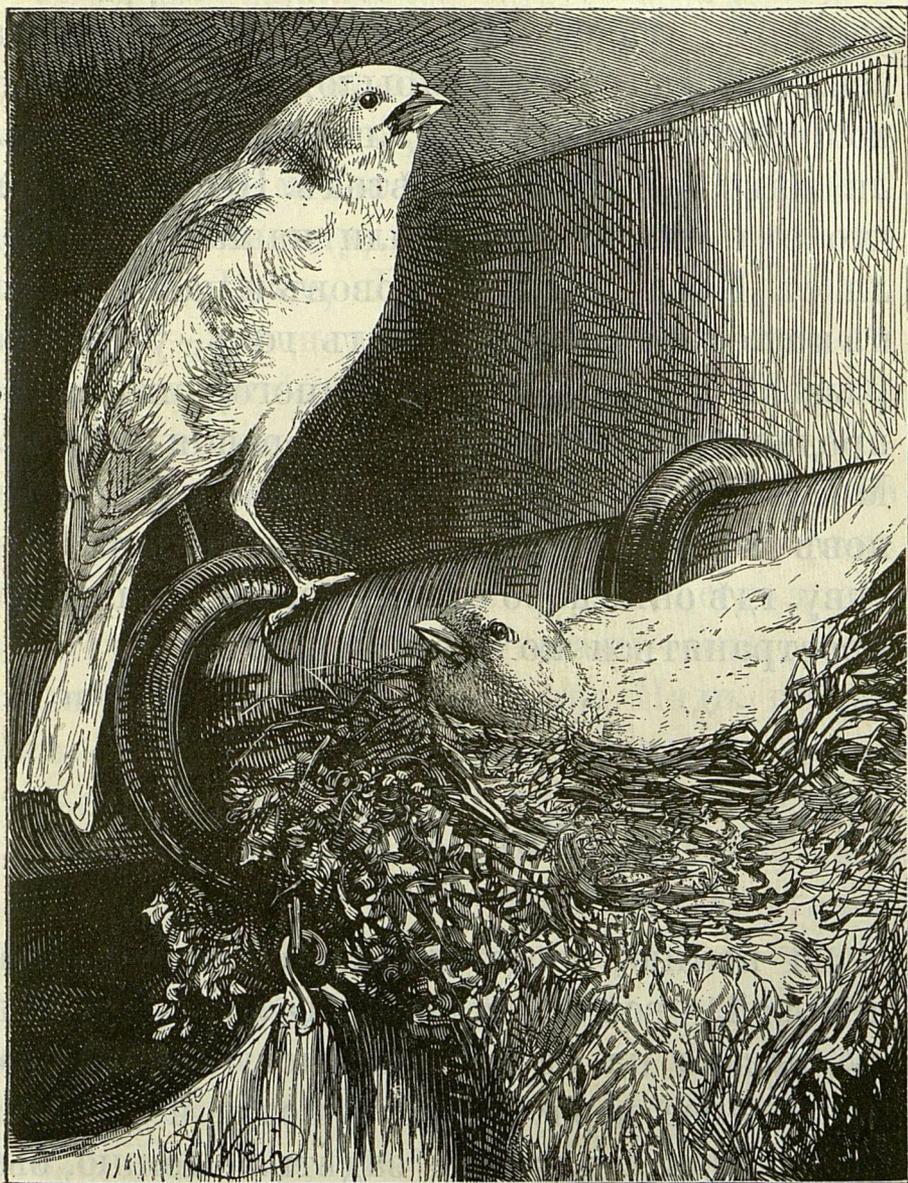
тахъ, въ клѣткахъ...

Давно это было, одинъ голландскій корабль плылъ по морю. Поднялась буря, корабль бросало по волнамъ, какъ щепку, его сильно поломало и прибило къ берегу, — это были Канарскіе острова. Во время по-

чинки, на кораблѣ, на носу палубы, двѣ желтенькія птички натаскали морской травы и свили себѣ гнѣздо. Самка вскорѣ положила туда четыре сѣренъкихъ яичка—стала сидѣть, согрѣвать ихъ... Семецъ носилъ ей пищу,—разныхъ зернышекъ. Прошло двѣ недѣли, изъ яичекъ показались уродливыя головки. Семецъ и самка стали таскать имъ пищу... Корабль починили и онъ поплылъ въ Голландію, канарейки остались на немъ... Поздно осенью корабль остановился въ гавани на зимовку. На берегу была старая рыбацья избушка, въ которой жилъ старикъ-рыбакъ съ семьей... Стало холодно... Канарейки съ корабля перелетѣли во дворъ рыбацьеи избушки и прижались въ коровникѣ, въ ясляхъ. Маленькая дѣвочка пошла давать коровѣ корму; замѣтивъ невиданныхъ прежде птичекъ, она удивилась и сказала отцу: — «Иди, посмотри, какія-то птички у насъ»... Вышелъ отецъ, полюбовался на птичекъ и сталъ ловить ихъ. Птички дрожали отъ холода, свободно дались въ руки. Принесли ихъ въ комнату, дали конопляныхъ зернышекъ,—птички запѣли... Долго разливалась ихъ звонкая, пріятная пѣсня... Дѣти слушали — радовались,

Д. П. Т. Д. М. З. Д.

иногда не выводит из себя видящегося
в некоторых случаях и иногда

Канарейки.

иногда не выводит из себя видящегося
в некоторых случаях и иногда

они никогда не слышали такой милой пѣсенки и никогда не видѣли такихъ желтенькихъ птичекъ. Какія это птички, откуда взялись? Чьи они?.. Это было для нихъ за гадкой. Дѣти сдѣлали имъ клѣтку, и птички стали жить и выводить дѣтокъ. Послѣ узнали, что эти птички приплыли на мачтѣ корабля съ Канарскихъ острововъ и назвали ихъ канарейками... Прошелъ годъ, у рыбака развелось уже канареекъ много, онъ сталъ продавать ихъ и выручалъ хорошія деньги... Московскіе купцы купили у него двухъ самцовъ и двухъ самокъ и привезли въ Москву, гдѣ они скоро стали разводиться и распространяться по всей Руси...

М. Васильевъ.

МОЯ КУКЛА.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

Я помню, когда я была еще очень маленькой,—всѣ звали меня шалуньей... Сяду бывало на стулъ и не могу сидѣть спокойно—все верчусь, такъ вотъ и хочется что-нибудь столкнуть, задѣть... Помню, была у меня большая кукла—Надя, и я очень любила ее. Стала я ей разъ дѣлать кро-

вать. Надя была тутъ же, на моемъ столѣ, и смотрѣла на меня во всѣ глаза; розовыя губы ея, какъ и всегда, мило улыбались. Я повернулась въ одну сторону, въ другую, расмахнулась рукой, запрыгала; по обыкновенію, я не могла быть спокойной и одной минуты, — слышу, что-то падаетъ, летитъ, звякнуло. Боже, Надя, моя милая Надя, на полу,—у нея уже нѣтъ головы—лежатъ одни осколки!.. Я страшно растерялась, слезы душили меня,—мнѣ стало жаль Надю, мнѣ казалось, что она была такая же дѣвочка, какъ и я сама,—я начала горько плакать,—вѣдь мнѣ было тогда всего только пять лѣтъ!.. Меня утѣшали, мнѣ подарили куклу гораздо красивѣе Нади, но она мнѣ не нравилась: она казалась такой серьезной, сидитъ, смотритъ сердито, губы надула, точно собирается браниться, кричать на всѣхъ; а моя Надя была такая добрая и всегда съ ласковой, милой улыбкой... Я не могла заснуть всю ночь, только забудусь — передо мной Надя, то совсѣмъ безъ головы, то съ разбитой головой, и стонетъ. Это, должно быть, я сама стонала, а мнѣ казалось, стонетъ Надя; стоитъ она такая обезображенная... и я начинала

плакать въ постели. Бѣло уже; всѣ проснулись, встала и я; голова у меня горитъ, во всемъ тѣлѣ жаръ, точно я въ лихорадкѣ, ничто меня не занимаетъ — вспомню только про мою Надю—и плачу... Теперь я уже большая—въ куклы не играю; но у меня до сихъ поръ хранится моя милая Надя,—она лежитъ въ моей шкатулкѣ, завернутая въ одѣяльце,—тутъ же лежитъ и часть лица ея—одна щека и губы, на губахъ сохранилась ея милая, добрая улыбка. Мнѣ вспоминается не разъ, при взглядѣ на нее, какъ я катала ее въ колясочкѣ, какъ умывала ее, какъ укладывала ее вечеромъ въ постельку, закрывала ее теплымъ одѣяльцемъ, сказывала ей сказки и смотрѣла, не сводя глазъ, какъ она тихо засыпаетъ... Проснусь утромъ—и скорѣе къ ней, одѣну ее, умою, и пьемъ мы вмѣстѣ чай... Мнѣ казалось, она понимала меня больше другихъ и очень любила меня... И ея уже нѣтъ, она теперь не живая, и я сама ее разбила!.. Съ той минуты я уже больше не хотѣла играть въ куклы и ту, которая замѣнила Надю, я подарила Анѣ, дочери нашей кухарки...

Муму.

Редакторъ-издательница А. Н. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВЪРОВА.

Дозвол. цензур. Спб. 30 апрѣля 1891 г. Типографія А. М. Вольфа, Б. Итальянск., 2.

